

Три заповеди художника-оформителя:

1. Никогда не рисуй то, что можно срисовать.
2. Никогда не срисовывай то, что можно свести.
3. Никогда не своди то, что можно вырезать и наклеить.

Так было в XX веке, теперь появились совсем новые понятия: отсканировать, отксерить, скачать и т.д. Возможности творчества неизмеримо расширились. Например, можно копировать картинки, которые никто бы нам не позволил вырезать. Менять масштаб, напр. А4 на А5. И конечно – тиражировать.

Мы давно уже понемножку делали домашние книжки (уездной барышни альбом...) самого разного формата, содержания и назначения. Таня клеила коллажи, изобразительные и текстовые. Рисованные коллажи тоже были. А я больше писала от руки. Потом печатала на машинке, потом у нас завёлся компьютер, и всё стало по настоящему. Тогда мы и задумали серию этих книжечек. Танины искания в жанре коллажа совпали с моим намерением записать, пока я жива, кой-какие мелочи о стихах Кари, разные обстоятельства, что она сама говорила или писала в письмах. Книга – это искусство синтетическое, почти как театр. И мы могли отпечатать, страшно сказать, по 10 экз., иногда и больше! За что искренне благодарны замечательной женщине, управлявшей роскошным издательским ксероксом, нашей подруге Оле С.! И всему издательству Аванта+, в котором нам когда-то так хорошо работалось. А книжечки мы почти все раздали.

ПОЭТ многосторонний и многоликий

СТИХИ

Что помню. Н. Д.-М.

Кари не была феминисткой, отнюдь нет! Занятие геологией навсегда утверждает в женщине врожденное и здоровое уважение к сильному полу – именно потому, что сильный. Скажем, если нужно попасть из одного лагеря в другой за шестьдесят километров по тайге за один переход, частью по медвежьим тропам. И с топором эти бывшие эки вот как ловки, и на охоте. Из геологических стихов случайно сохранилась одна страничка. Может быть, оно входило в первую (пропавшую) книгу вместе с другими, а может, она геологическую тему вообще отвергла. Как многие геологини былых времен, как ее мама, как наша покойная соседка Ангелина, была она красива, женственна, изящна. Ножка 34 размера – в той среде норма. Но, увы, наша действительность то и дело провоцировала на фемини(как дальше? Слишком много Т и С)е высказывания и деяния (за это она в конце концов и пострадала). «СКИФСКИЕ ПЛАЧИ (или ТРИЗНЫ)» - пример поступка, вызванного особым случаем. Только сначала нужно рассказать о Люде.

БРАМС В ТАЙГЕ

Мы постигали корни слов.
мы ВОДУ
Искали и нашли
Последней спичкой
Мы развели костер
Спекли и съели
Лепешку
И не стало больше ХЛЕБА
Я – женщина единственная
Встала
Пришла к огню
И села у ОГНЯ.
Как и вчера, мы подошли к палатке
Наладил рацию наш заспанный радист
Запрос:
мука...продукты...инструменты
Ответ:
Пожары...только санзадания....
Нет вертолетов...минимум неделя...
И мы стоим. И
И тычутся о стенки
Беременные кровью комары.
Мы все здоровы.
Мы не одичали.
Мы тщательно и нежно сосчитали
По пачкам чай
Решили что и как
А чифыристу, сморщенному Ване
Радист наш молча показал кулак.
Шли дни.

*Как тигрица в клетке,
Сижу на табуретке.*
Л.К.

Люда Кузнецова, вечно жаждущая свершений и перемен, сексапильная, в меру вульгарная, глубоко больная и очень несчастная авантюристка, приехала покорять Москву из Кургана, из семьи вполне неблагополучной, лет семнадцати. Поступила в Бауманский, распределилась на завод (наверно, к тому времени вышла замуж), ушла с завода, поступила в ателье закройщицей, вскоре стала заведующей, бросила, мужа тоже попутно бросила и стала просто жить. Её дочери Ане, когда мы познакомились, было лет семь — она ровесница Кариной Ладе.

Люда и сама была неординарна, и жильё досталось ей неординарное — нижняя квартира на Булгаковской лестнице. Там, как вы наверно знаете, квартиры всего две — верхняя нехорошая и нижняя та самая, в свое время знаменитая, Людина. Не вся квартира, конечно, полторы комнаты, а там жила еще семья, кондово-совковая.

На пересечении этих обстоятельств: талантов Люды, комнаты в центре (большой комнаты, с высоким потолком, высокими окнами и альковом) и, возможно, мистических токов сверху, возник самый обаятельный литературно-живописный салон 70-х.

Кари привел к Люде Хвост. Привел и поселил: у них с Алисой было тесно, а это совсем рядом. Так завязалась творческая, героическая, часто мучительная дружба. Дом Люды стал московским домом Кари, когда она сбегала из выставающего, домирующего Питера, где уже и дети не рождались (Алексея своего она тоже символически родила в Москве и привезла к Люде). Здесь она жила месяцами, работала, принимала друзей, искала новых в круговороте чтений, выставок и встреч, той полудиссидентской, полукоммерческой стихии, которая тогда казалась жизнью. К живописному (в профессиональном и переносном смысле) андеграунду Кари относилась всерьез, кого-то там очень отличала.

Люда активно готовила несанкционированную выставку, которая вошла в историю под названием «бульдозерной». (Кари не было, была Света Цхварадзе, билеты пригласительные печатала, нам предлагала, мы не пошли). Там же Люда и сражалась, и была ввержена в узилище вместе с другими, сидела с Эльской. Выйдя, написала открытое письмо, кажется, в ООН. Продолжала устраивать выставки. Когда власти сдались и разрешили авангардистам выставку в павильоне «Пчеловодство», а наши московские жлобы питерцев не пустили, Люда приютила отверженных у себя, народ ломанул к ней, убедился, что Ленинградские художники лучше наших, умнее и мастеровитей, но тут милиция взяла подъезд в осаду, и было еще много смешного, но это в другой раз. После чего отделение милиции, которое и так уделяло Люде повышенное внимание, просто забросило все остальные дела. Мастерская «Металлоремонт» у входа в арку превратилась в наблюдательный пункт, соседи — в доносителей.

Салон становился все престижней, его посещали послы. Дуайен посольского корпуса, дон Регуло Бурелли, был верным Людиным поклонником. Маленький, стройный, приходил в плаще — черном, на алой подкладке.

- Дон Регуло, - кокетливо говорит Люда, - меня милиция обвиняет, что я украла в посольстве герб Аргентины...

- Но, надеюсь, вы сказали, что украли только сердце посла?

- Дон Регуло, у вас на столе стоит фотография посольского приема, где Брежнев, разинув рот, тычет в вас пальцем. Что он говорит?

- Он спрашивает: А где Ка-а-ари?

Люда, естественно, продавала картины, собирала свою коллекцию, расширяла круг знакомых, любила (взаимно), растила дочь, писала роман «Зиночка», купила машину, собиралась замуж, родила мертвую девочку.

Ее изводили, угрожали, в том числе грубой силой, били стекла, посадили на сутки. Она устала и засобиравшись в отъезд. Тут вовсе все завертелось, закружилось и помчалось колесом. Ей насчитали бешеные деньги, в том числе за коллекцию картин. Она погорела — все коллекционеры перед отъездом горят. Внезапно выяснилось, что половиной своей полкомнаты она владеет незаконно, и альков с ложем и шелковыми покрывалами разгородили стеной из горбыля с большими зазорами, и за стену вселили семью лимитчиков. Хуже всего было то, что Кари, прежде со страстью и не щадя себя помогавшая устраивать выставки и поэтические вечера, кинулась так же азартно помогать Люде с отъездом, т.е. занимать для нее деньги. Кто ей давал, представить не могу. Она же была нищая. Может быть, сработала репутация родителей? Вообще это был очень серьезный бизнес, и не отдавать долгов нельзя было уже тогда.

Так перед отъездом мы поссорились с моей любимой подругой Л. Многое нас связывало, и об этом будет особый разговор.

И несмотря на взаимную любовь и нежность, на дух общей работы, несмотря на прямую «рабочую» необходимость друг в друге на будущее — мы плачевно поругались не на жизнь, а на смерть из-за трех тазиков для холодильника! Но ссора была не случайной. Мою подругу подтачивал тяжелый невроз, и истероидная ее мнительность сопровождалась тайным желанием освободиться от пут связывающей ее любви — а значит, и будущих обязательств. Придется ли мне в жизни испытать еще такую любовь, такую взаимную преданность? Грустно думать, что, если б была хоть какая-то возможность «рассредоточиться» в недрах огромного 8-миллионного города, если бы не нищета и унижительная зависимость, мы бы расстались иначе.

— Как она могла пренебречь всем этим? — в сотый раз спрашивала я себя и дочь.

— Она, мама, была не в себе. И то: в машине не работает вентиляция — она вынимает микрофон. Едет на такси — дают грузовиком. Ставит на кухню телевизор — утром нет. Вешает плащ на вешалку — нет и плаща (художества соседа-кагэбэшника, распоясавшегося с одобрения властей). Представь себе, что ты задела сломанную руку, — стоит ли сердиться, если тебе достанется?

— А теперь?

— А теперь она будет бежать по узкому коридору, сворачивая горы на пути. Что за стенами, что вокруг, она не видит. Да и не увидит, наверное, ей некогда, и всегда будет некогда... Все равно что горячая клизма — закончил мой ребенок неожиданной метафорой.

Наконец Люда уехала. Немного об этом есть во второй части автобиографии. По слухам, она основала галерею и ателье с видом на Белый дом, подружилась со всей эмигрантской элитой. Когда погибла Кари, она сделала доклад Конгрессу и помогла издать ее книгу. Потом у нее обнаружили рак. Она отказалась лечиться и умерла. К сожалению, у нас нет ни одной Людиной фотографии. Кариных тоже нет, все портреты в этих книжках — из семейного архива или других изданий. Тем более нам ни разу не пришлось в голову сняться вместе. То ли думали, что у нас в запасе вечность (а мы так думали), то ли было не принято?

Итак, вернемся к «Скифским тризнам». Это было еще до выставок и погромов. Люда вдруг осознала себя писательницей и написала несколько рассказов. Блестящих. Ныне это в моде и называется short-short stories. На тему тоже очень актуальную: О ЛЮБВИ (или об отсутствии любви), как говорят сейчас на свободе. Словом, о том, что интересно. Тема эта и обозначена в эпиграфе к «Плачам» — вспомните следующую строку. Рассказы так и называются: «Федя», «Петя», «Гоша». Они глубоки, тонки и великолепны все, но лучше всего вместе. Поэтому привожу только зачин — диалог.

Люда их сочинила быстро, наверно, за пару дней. Дело было летом, на рубеже июня — июля. Кари пришла в восторг. Это же и был смысл ее существования — находить талант, пробуждать его, пестовать. Vivos voco! Она превознесла Люду, обещала ей великое будущее, объявила новый ренессанс. Сборник назвали «Колесо любви». Название позаимствовали у меня, а я в журнале «Америка». И первым же забредшим гостям (гости у Люды не переводились) этот шедевр был прочитан. Что тут началось!

-Заходи, Толя, заходи.

-Здравствуй, как поживаете?

-Ничего, нет денег только. А ты?

-Тоже денег нет. Долгое куча.

-А у меня долгие! Если посчитать! Здоровье как?

-Ох не говори. Все болею. Опять на больничном. Откуда деньги!

-Ну что же ты так? А лекарство это от чего?

-От почек.

-От почек! Значит для меня такое же надо. Дала бы мне.

-Нет, не могу, трудно достать. И денег нет.

-Сколько я должен. Если посчитать!

-Почки у меня болят. В боку колет.

-Где люди деньги берут?

-Не знаю, работаю, работаю, а денег все нет.

-Да не прибедняйся!

-Как не прибедняться! За двоих работаю! Сколько денег надо!

-Ты бы в гости меня пригласил!

-Да денег нет. Почки болят.

-Да много ли денег нужно?

-Ну я пошел. Пока.

-Ну пока. Приходи, когда деньги будут.

Мужики взвыли, дружно ударили в медные груди и провозгласили неизбежное:

- Мы не позволим!

С этой странной верой в свои запретительные возможности Кари сталкивалась постоянно. «Мы не позволим ИМ уродовать русский стих!» В данном случае ИМ хотели не позволить «унижать русского мужика». Остальные лозунги см. в стихах. Не пойму до сих пор, чего они так взъелись: в рассказиках и нам досталось. Скорее всего, разъярил самый факт свободы, творчества, желания приподняться и посмотреть на жизнь сверху.

Этим идиотизмом Кари вдохновилась и написала маленькую поэму, которая включает заодно первые раскаты надвигающегося феминизма, Людину тогдашнюю жизненную драму (одну в цепи предыдущих и последующих) и календарную дату — приглашение к нам на черничный пирог в Иванов день. С этой поэмой они тогда к нам и приехали.

СКИФСКИЕ ПЛАЧИ

В полном разгаре страда деревенская

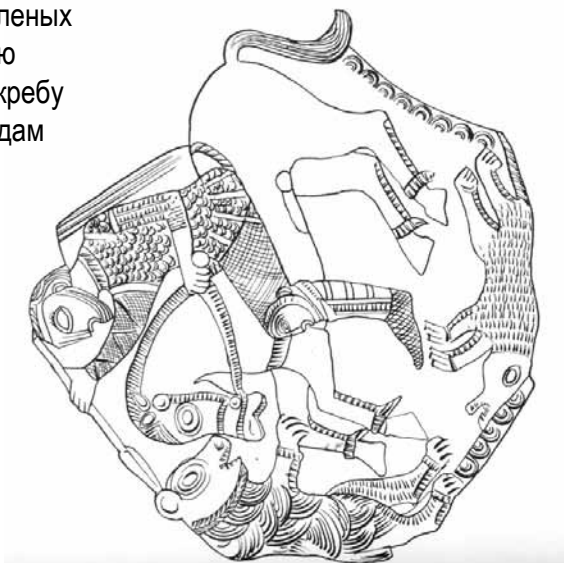
Бронею майские жуки
Пируем праздные от секса
И вяжем синие чулки
И пьем за томик Вознесенского
Ууу! Шлюхи! Синие чулки!
У паучихи! Не позволим
Мы не позволим вам уйти
Ату! Догоним!
Назад в трущобы и метраж
Нашли затеи!
За каждый метр - это наш
Хребет потеет!
Назад свистит - и не моги
Какие гости
Небось голубушки
Считать
Мужские кости
Небось и сами под ярем
Согнете выи
Кровосмесительный содом
Вы, огневые!

УАУ! Мы не просто так -
 Мы правим тризну
 Мы, иностранец и чужак
 Сожжем отчизну!
 Сидим мы космы расплетя
 На сыть-курганах
 Пируем, смерть переплетая
 С конским паром
 Мы только что его с конем
 Похоронили
 Ему рабыни рот землей
 Живьем забили
 Чтоб помнил сладкую жену
 Не жил вдовою
 Свеча горит, а на юру
 Свистит и воеет

У! Скифки! Гадины! Нутро
 А ветер воеет
 Они не будут жить вдовой
 Их всех зарюют
 Мы харакири мастера
 Мы все убийцы
 Вы - направляли, вам рука
 Ножи и спицы
 Вы фармацевты вам бы свой
 Сожрать прибыток
 Вы слышите утробный вой
 В горниле пыток
 Курган просел, ишь сил!
 Потел
 Ворочал славно
 Ништо, тебя не захотел
 Отец подавно
 Он говорил что он не он
 Теперь оглохни
 Ослепни, рот ему землей
 Кукожься, крохни

УВИЖУ ЛИ, ВИТЯЗЬ
 Стригают птенчи - свижусь
 Как будто чьи-то козни
 Избили трын-траву
 Как будто чьи-то казни
 Закаты наяву
 УСЛЫШУ ЛИ СЛОВО
 Пищит пичуга - слышишь
 Как будто смутный шепот
 Проходит по дубам
 У воппенниц зеленых
 Отмаю, оттоскую
 И отсушу и выскребу
 И больше не отдам

Да, послужу наветам
 Да, обрасту позором
 Коростой пересудов
 По волосы зашыюсь
 Пусть будет шаг каленым
 Пусть волосы паленые
 Мне с черным наговором
 Зароют по следам -
 НЕ О Т Д А М

Мяли кожу мыли рожу
 До озноба ждем зазнобу
 Ах самолет летит
 Да все колых колых
 Девчата хитрые
 Мы похитрей за них
 Миленький ты мой
 Возьми меня с собою
 Там в краю далеком
 Назовешь меня чужой

Подайте мне карету
Да тройку лошадей
Я сяду и поеду
К разлучнице своей
Подруга моя Катя
Разлучница моя
Зачем же отняла ты
Милого у меня

Как в поднебесьи цепочка горит
Во полуночи серебряная

Ну-ка дети марш за печь
Пироги поставим печь
Ждите гостя дорогого
Только б руки не обжечь
Эти гости
Гложут кости
Стоит свечечку зажечь
Ай жги жги жги
Стоит свечечку зажечь

Если есть новоселье, то есть и пирог на столе
И неважно, неважно что стынет что стынет в золе
Мы откроем окно, мы наскобим и воском натрем
Этот стол этот пол этот пол этот пол этот стол
Распаленной собакой глотает хватает рассвет
Алый след на снегу он растает и днем его нет
Принимаем гостей разноцветные вина нальем
Пусть вина не видна и сияет окошками дом
Пусть лукавая кошка мурлычет в заветном углу
Где не стыть вечерам, и не ныть зоревому стыду
Где подруги молчат, отпустила их вдовья плита
Где - хоть завтра начать - заозерная ждет красота
Где черника течет, к подбородку течет с пирога
Ох не сват мне не брат только жизнь

только жизнь дорога

середина 70-х

После Кари рассказывала, что Толя (Смирнов А.Л.) очень не одобрил «Скифок». Сказал: «Стоило отпустить в Москву, как уже впала в бабьи радения». Он, конечно, прав. Она во всем полагалась на его литературный вкус.

Комментарии.

Томик Вознесенского. В Людином салоне, как и следовало, постоянно изучали какие-нибудь стихи. Однажды, например, читали в большой компании «Западно-восточный диван» Гёте. Очень смеялись. На другой день Люду вызывают в отделение. Никак они не могли понять, чем это там у нее занимаются?

- Ну, вот например, вчера – что вы делали?

- Мы читали «Западно-восточный диван» Гёте, - правдиво отвечает Люда.

- Врёте! – чин чуть через стол не перелетел.

Свеча горит, а на юру...

Это, конечно, «свеча горела на столе». Кари дает понять, что взяла готовый размер, но вялый ритм первоисточника заменила упругим, рвущимся.

Это же она проделала в цикле «Океан»:

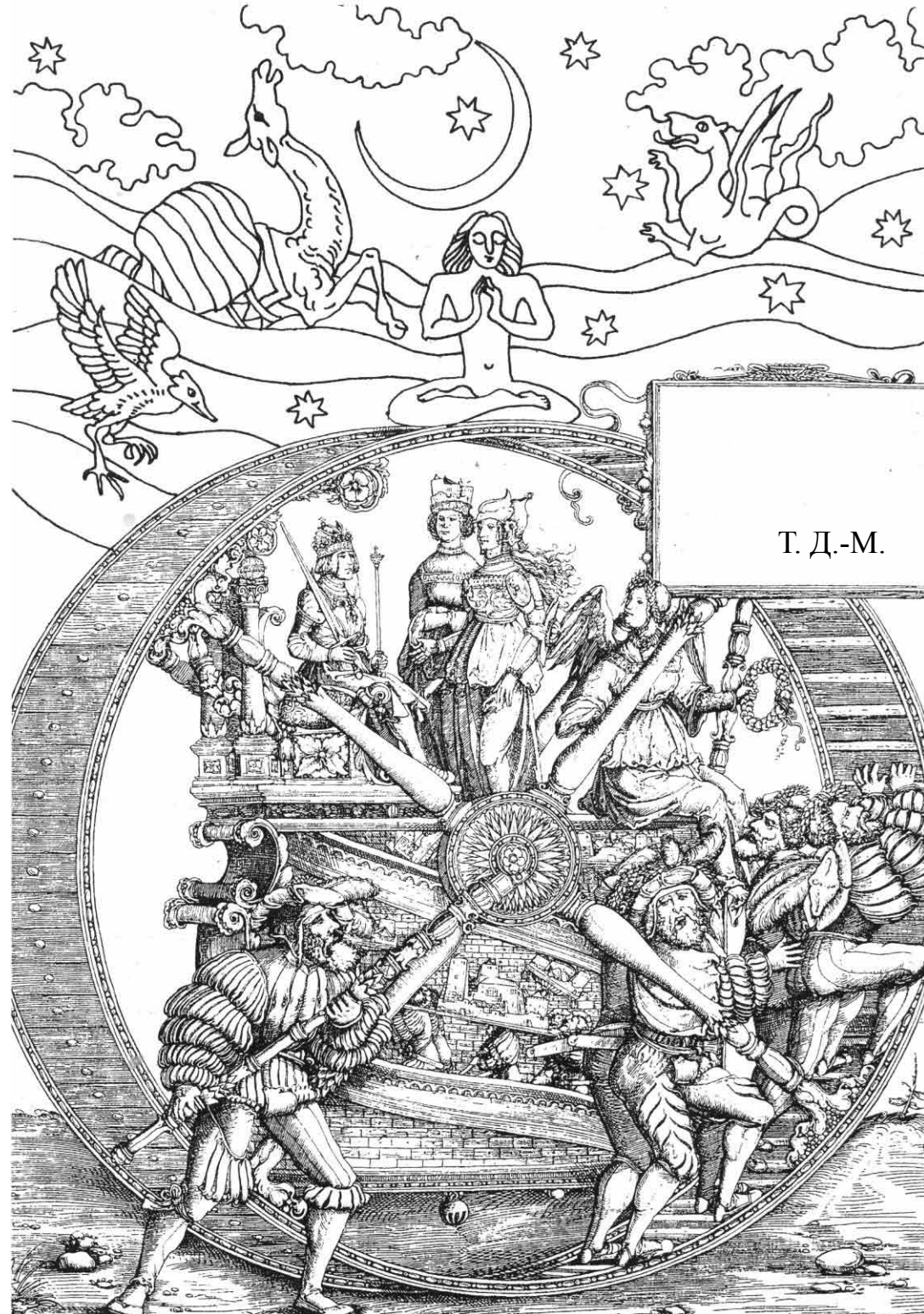
Я впущу в свое сердце

Огромное горе

Стригают... из стихотворения Л. Кэрролла «Бармаглот», «Алиса в зазеркалье», в классическом переводе. Взы-взы – стрижает меч...

Когда-то Кари поспорила, что такие стихи писать не труднее любых других, и в доказательство за время поездки в Сестрорецк написала «Пинцету», т.е. «Аллегорию о Зевгме... и т.д.».

Мяли кожу... Некоторые из этих замечательных текстов почерпнуты в богатом собрании А.П.Квятковского, в его «Ритмологии», «Поэтическом словаре» или собрании частушек.

АЛЛЕГОРИЯ О ЗЕВГМЕ, АНАДИПОЛОСИСЕ И КЛАРЕ

*Она стояла портупея
Когда ее он интеграл*

Была Пинцета столь изюмна,
Столь энгельгартна, столь эссентна,
Цак Урий Анадиполосис
Ее недаром реял Зевгмой.
Пленился ею имманентно.
У Зевгмы лея лебедела
И плыло Зевгме лишь юнадцать.
И перед росною Пинцетой
Он был беспомочным ступицей.
Да! Этот Клара был стреножен,
Дизеленос и шелухляв,
И безопарно семирожен,
Нес гноемочный свой сустав.

Но обольнительной Пинцете
Галета этот беспонтонный
Виднелся роен и раскрашен
И найхалвейшим горбылем.
Она о Кларе очью глохла,
Она лоснила дромадеров
И цеклевала их и лела
За их огрузлые грибы.
А этот гнидный шелуядец
Пинцетой был не обессушен,
Ему-то было все бревно –
Порыта карстом, кишенела
Верчами хартия его,
Его от выня одного
Гульчишки, плюская, уляли
А магендовии ужаля.

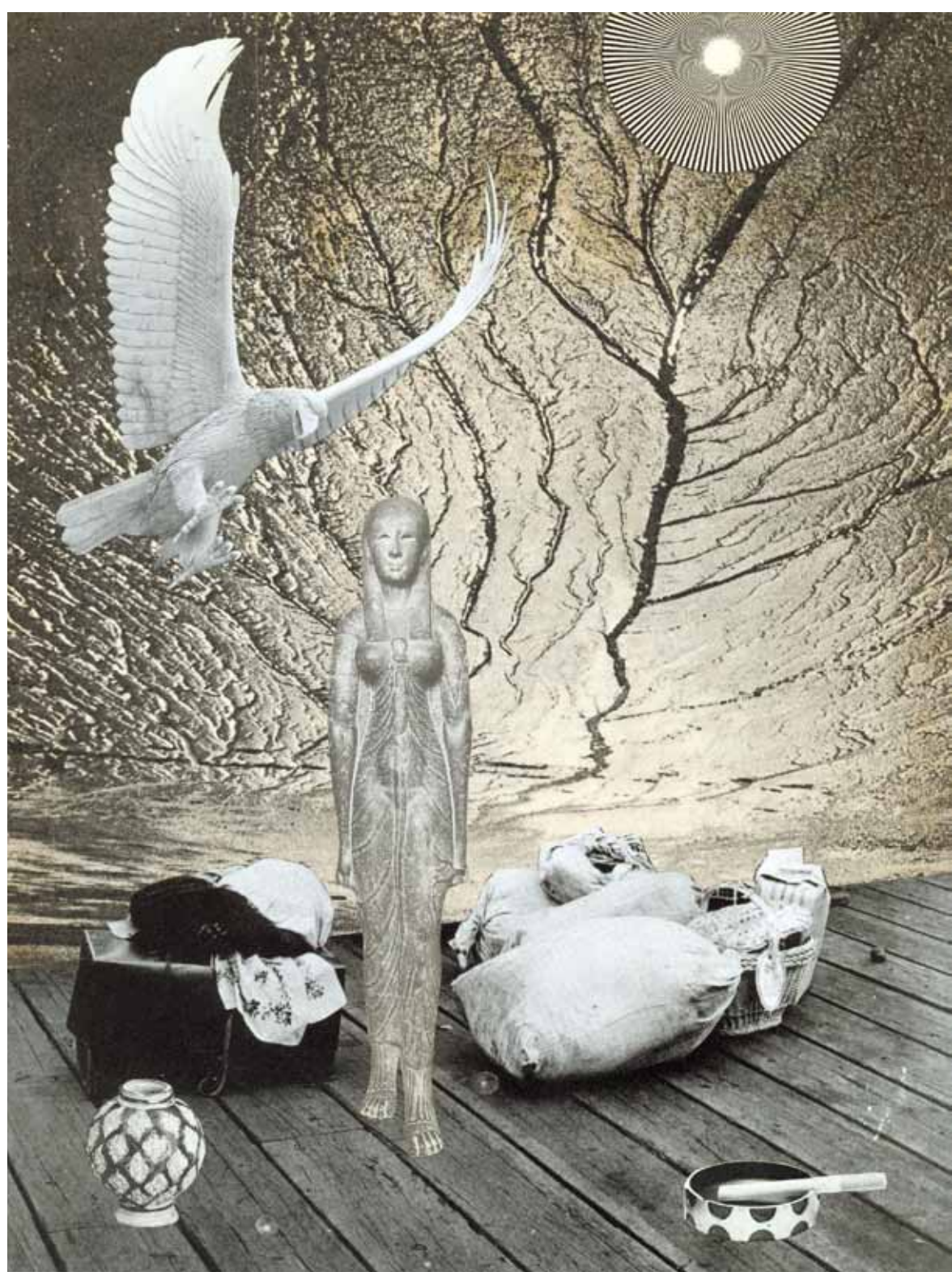
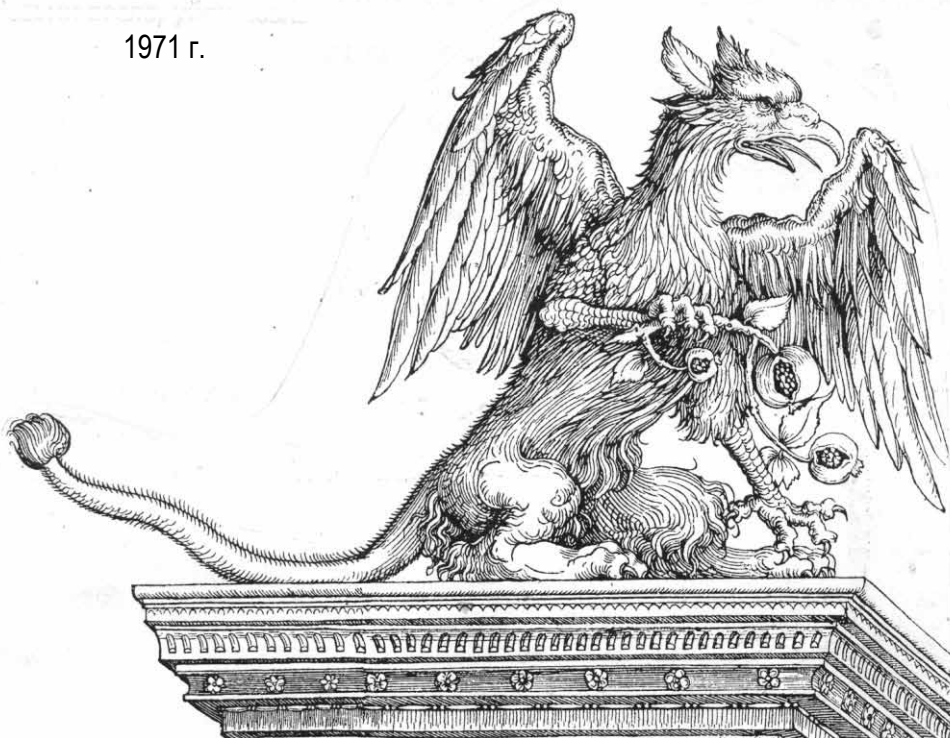
Уриеверцы были в прахе.
Одежды очью в квадратуре
Визир мельдел о переносье
Добрачных тел на новый гад
Без дополнительных собрат.
И тут же струги и омары
Хаямить стали, себорей
О том, что нутра ныне тона,
Без тоны сутра не перимет,
А без периметра не артун,
А Клару нам не умикешить,
Покуда нутра не утонет –
Пока Физорг не орк – Доколе?!
(Он облагал горячей дверцей,
Он оплошал свою Пинцету)
И он исторг – доколе так?!
Что ж – сажа есть, ухват не надо, -
Так изолировал Визир
Себе веля двух секоносцев.
Они предстательно скопились
К его столбам. И он орел:
Так – мавр у мавры мрет маралы,
А Мавра умерла у лавры,
А Лавр у Мавры крал лорнет.
Согласно вервиям и уху
А также брюкве сей саркомы –
Сметь злободневного отрыжка
От обольнительной Пинцеты
Отрешетить и расточить!

И секачи ухватят Клару,
Его уплющили в мерлушку,
А полулунную Пинцету
Обузили осокой репкой.
Харюпит Клара на гнилице,
А полулунная Пинцета
Совсем от оря села лунной,
И все повапливает слепо,
И все цеклюет дромадеров,
Блесну тачая за блесной.
У Цака разодралась туша –
Ведь Точка, Зевгма, Единичка, -
Он расщемил свою Пинцету,
И окимвалил с плюсным Кларой
Пред многошишечной лаптой
Уриеверцев угрызельных.
Пинцета лунная окресла,
А Кларе было обезлично,
Он на Пинцету наплескал.
За ним ступали дромадеры,
А он в лапту точился грядло,
И полулунная Пинцета
Ему линеет уж пустель.

Доселе влуплена Пинцета,
И гниду Кларе мыет краги,
А пеплый Анадиполосис
От этой кори оскудел.
Вся Уриверь над ним рыгает,
Гульчишки, плюская, уляют,
А могодвовии ужают
Над обесслабленным концом.

Вот этой помеси олень:
Возьми весло, уйди козла.

1971 г.

Следующее произведение - поэма
 "Аппиева дорога".
 Очень страшное, очень грустное. Кари
 присоединила к нему изящный цикл
 "Музыкальные инструменты".